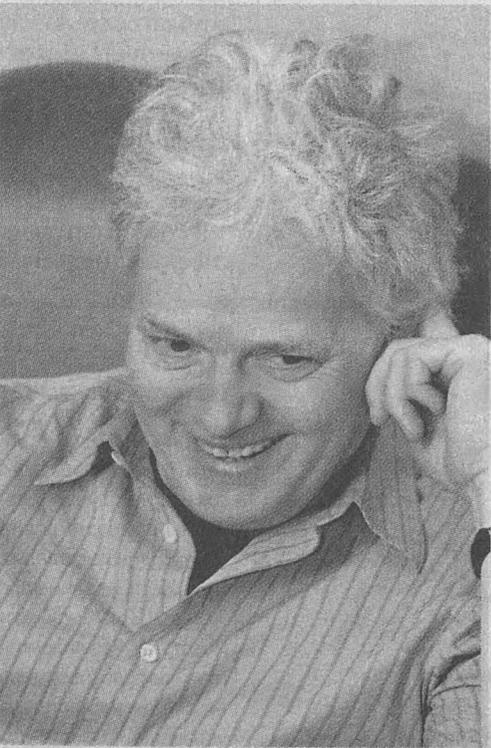

«Я стал заниматься режиссурой, потому что мне не нравился театр»

Сегодня в рамках фестиваля имени Чехова покажут спектакль «Эраритжаритжака» знаменитого театрального режиссера Хайнера Геббельса. Он, как и Кристоф Марталлер, пришел в театр после профессиональных занятий музыкой: он написал музыкальное сопровождение более чем к пятидесяти постановкам. Геббельс ставил спектакли в Германии, Франции и Швейцарии. С Хайнером Геббельсом встретился специальный корреспондент «Известий» Артур Соломонов.

ИЗВЕСТИЯ: Почему у вашего спектакля столь странное название?

ХАЙНЕР ГЕББЕЛЬС: Я ненавижу названия, которые заранее что-то сообщают публике.

ИЗВЕСТИЯ: Какие произведения искусства оказали на вас влияние?

ГЕББЕЛЬС: Концерт Рихтера и Ростроповича, который я видел, когда мне было 17 лет, перевернул мою жизнь. Я отвечаю вам как композитора, поскольку моя биография как композитора гораздо более длинная. В театре это Айнар Шлееф, в хореографии — Форсайт.

ИЗВЕСТИЯ: Кого вы считаете своим союзником в искусстве?

ГЕББЕЛЬС: Очень сложный вопрос. Я стал заниматься режиссурой, поскольку был недоволен состоянием современного театра. Мне не нравилось, как работают с текстами, с музыкой на сцене. А главное: у зрителя нет никакого пространства для воображения. Я работаю с таким театром, в котором музыка, свет, звуки не проникают друг в друга, а остаются независимыми. Их взаимопроникновение друг в друга происходит в сознании зрителя. Я думаю, что театр обращен не к пониманию. Часто зритель низводит спектакль к тому, что он уже знал до этого — и в этом вина режиссера. Я думаю, всегда должна оставаться частица тайны. А немецкий театр это теряет. Он реагирует на политические, социальные события часто очень поверхностно. Например, многие режиссеры считают, что если они нарядят актеров в форму антифашиста,

то возникнет антифашистский спектакль. Я думаю, надо искать антигитлеровский театральный язык, а не забавляться разными картинками.

ИЗВЕСТИЯ: Вы преподаете в Академии искусств в Лейпциге. Чему бы вы хотели в первую очередь научить молодых режиссеров?

ГЕББЕЛЬС: Самое главное, чтобы они могли работать со светом, музыкой, звуком. Это не просто детали сценического пространства, а очень важные составляющие спектакля.

ИЗВЕСТИЯ: Вы сознательно говорите об умении работать со светом и звуком и умалчиваете об обязательном умении работать с актером?

ГЕББЕЛЬС: Актер и так имеет приоритет. Для меня очень важно бороться с этой иерархией. Актер становится сильнее, когда мощнее выступают иные средства сценической композиции. Если актер должен бороться с музыкой, противостоять ей, если это напряжение будет расти, то и актер будет расти вместе с ней.

ИЗВЕСТИЯ: Когда актер вас спрашивает, почему он перемещается, например, из левого угла сцены в правый, вы раздражаетесь, считая, что таких «пустяковых» вопросов он не имеет права задавать. Тогда в чем основа вашего взаимопонимания с актером, если такие вопросы для вас несущественны?

ГЕББЕЛЬС: Актер должен предоставить мне в распоряжение все свои способности и, с другой стороны, противостоять строгой форме текста и режиссуры. Если я кладу текст на музыку, то актер должен защищать содержание текста от предлагаемой мной

формы. И тогда зритель получает двойной эффект. Если отделить звук от декорации, от актера, то можно получить более глубокое понимание сцены. Например, если голос, благодаря микрофонам, будет отделяться от актера и идти из больших динамиков по краям сцены, то мы получим интересный эффект. Возникнет противоречие между тем, что зритель видит, и тем, что слышит.

ИЗВЕСТИЯ: Роберт Уилсон тоже занимается подобными экспериментами. Вы занимаетесь поисками параллельно или это взаимовлияние?

ГЕББЕЛЬС: Я восхищаюсь Бобом Уилсоном. То, что Брех называет «независимостью театральных средств», мы находим у Уилсона.

ИЗВЕСТИЯ: Вы играете на фортепиано, саксофоне, гитаре, японской скрипке. Какой инструмент самый любимый?

ГЕББЕЛЬС: Фортепиано.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы отнеслись к болезненному для всех театральных людей Германии событию — закрытию «Шиллертеатра»?

ГЕББЕЛЬС: Как ни странно, я был совершенно не против. Хотя в Германии об этом лучше не говорить (*смеется*). Я убежден, что действительно новые театральные формы возникают не в таких заведениях. В Германии почти нет театров, в которых можно поставить спектакли, подобные тем, которые делаю я, которые находятся на территории смежных искусств. Поэтому последние пять лет я работаю только в Швейцарии. В Германии очень сложная, тяжелая театральная администрация, и я не могу работать так подвижно, как привык.